

УДК 341.01

Поляков С. И.,

кандидат исторических наук,

и.о. заведующего кафедрой международного права,

истории права и политико-правовых учений

Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

**РАЗРАБОТКА Ф. Ф. МАРТЕНСОМ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ОСНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

**ELABORATION OF THEORETICAL AND SCIENTIFIC BASICS
OF INTERNATIONAL LAW BY F. F. MARTENS**

Освещено понимание Ф.Ф. Мартенсом предмета, места и значения международного права в системе юридических наук, обоснование им концепции, периодизации, двуединой основы международного права, диалектики противоречивых условий его существования, социальных функций международно-правовой науки.

Ключевые слова: Ф.Ф. Мартенс, современное международное право цивилизованных народов, наука международного права, теория международного права, история международного права.

Висвітлено розуміння Ф.Ф. Мартенсом предмета, місця та значення міжнародного права в системі юридичних наук, обґрунтування їм концепції, періодизації, двоєдиної основи міжнародного права, діалектики суперечливих умов його існування, соціальних функцій міжнародно-правової науки.

Ключові слова: Ф.Ф. Мартенс, сучасне міжнародне право цивілізованих народів, наука міжнародного права, теорія міжнародного права, історія міжнародного права.

It has been elucidated the understanding of subject, place and meaning of international law in the system of law sciences proposed by F.F. Martens, his concept, periodization, dual basis of the nature of international law, dialectics of controversial prerequisites of its existence, social functions of international law science.

Key words: F.F. Martens, contemporary international law of civilized people, science of international law, theory of international law, history of international law.

Более полувека тому назад в одном из сборников научных трудов была опубликована статья В.Э. Грабаря «Первоначальное значение римского термина *jus gentium*», в которой дан историографический обзор литературы о

происхождении международного права, начиная с трудов А. Джентили и Г. Гроция. Автор указывает, что до XIX в. международники не только не сомневались в существовании международного права у народов древнего мира, но и показывали развитие современного им международного права на аргументах древних юристов, лишь изредка обращаясь к фактам новой истории [1, с. 477]. Преподобное спокойствие нарушил профессор Берлинского университета А.-В. Гефтер, который, не подвергая сомнению факты существования норм, регулировавших отношения Древнего Рима с другими государствами, оспаривал правомерность применения к этим нормам термина «международное право». Он писал: «Современное международное право обязано своим возникновением христианству и цивилизации. Правда, уже в международных отношениях древнего мира замечается однообразие обычаев, особенно в способах ведения войны, приеме посольств, заключении договоров и признании права убежища. Но соблюдение этих обычаев основывалось вовсе не на сознании юридической обязательности их в международных отношениях, а скорее на религиозных представлениях каждого народа и на правах, сложившихся под влиянием этих представлений. Так беглецы, искавшие покровительства чужеземного народа, и послы считались неприкосновенными, потому что в глазах иностранцев они стояли под охраной религии, священными знаками которой обставляли себя. Точно так же международные договоры считались под покровительством божества вследствие тех божественных обрядов, клятв и жертвоприношений, которыми сопровождалось их заключение. Но вне этих религиозных верований не существовало никаких обязанностей относительно иностранцев» [2, с. 9].

Подобную аргументацию В.Э. Грабарь называл «бесплодным словесным спором». Возможно, в пользу такой оценки говорило то, что А.-В. Гефтер изменил свою точку зрения относительно Древнего Рима [2, с. 10]. Чуть позже он признал, что римское *jus gentium* было внешним публичным правом, то есть международным, хотя первоначально отрицал существование международного права в Древнем Риме. Резкий тон В.Э. Грабаря в отношении А.-В. Гефтера мало объясним только лишь эволюцией воззрений последнего. Суть в том, что выступление А.-В. Гефтера, получившее сильный резонанс и широкую поддержку в научном мире, создавало совершенно новую историографическую ситуацию, раскалывало европейское сообщество юристов-международников на три лагеря. В первом лагере объединились ученые, которые нисколько не сомневались в существовании международного права в древнем мире; во втором – ученые, которые были убеждены в отсутствии международного права в древности; в третьем – те, кто признавал существование лишь первых зачатков или отдельных международно-правовых норм. Сам В.Э. Грабарь входил в первый лагерь. Его точка зрения оказала решающее воздействие на формирование научных позиций отечественных ученых, в частности Д.Б. Левина [3; 4], Ю.А. Баскина и Д.И. Фельдмана [5], Г.С. Стародубцева [6, с. 44–64] и других. Отмечая с удовлетворением признание советской историографией существование международного права еще со вре-

мен древнего мира, В.Э. Грабарь отмечал: «...Международное право в том его значении, в котором термин этот употребляется в настоящее время, римлянам было известно <...> Зарождение его следует искать в междуродовых отношениях доклассового общества; название *jus gentium* оно получило именно в этот период» [1, с. 503]. Однако благодаря авторитету А.-В. Гефтера влияние представителей второго лагеря во второй половине XIX в. стало преобладающим. Особенно заметный вклад внес Ф.Ф. Мартенс, взгляды которого были поддержаны большинством историков, юристов-международников не только в России, но и за рубежом. Были и оппоненты, критиковавшие ученого за допущенные ошибки. Все участники дискуссии в чем-то «перегнули палку». Одни концентрировали свое внимание на анализе источников международного права и процессе постепенного накопления правовых норм, регулирующих международное общение, другие – на всестороннем анализе меняющихся условий геополитической мощи государств и обосновании концепций международного общения на различных исторических этапах, когда либо еще отсутствовала, либо уже сложилась система межгосударственных отношений, получившая свое выражение в формировании устойчивых групп государств первого, второго или третьего эшелонов в зависимости от их влияния на международной арене.

Объект статьи – теория и история международного права, предмет – научные труды Ф.Ф. Мартенса, в которых освещены теоретические и научные основы международного права. Сделана попытка решить следующие задачи: раскрыть понимание Ф.Ф. Мартенсом предмета, места и значения международного права в системе юридических наук, показать обоснование им концепции, периодизации, двуединой основы международного права, диалектики противоречивых условий его существования, социальных функций международно-правовой науки.

По мнению Ф.Ф. Мартенса, предметом науки международного права выступала совокупность существовавших между цивилизованными народами жизненных отношений, обусловленных стремлением этих народов или же отдельных слоев населения к удовлетворению своих интересов посредством международного обмена. Нисколько не сомневаясь в практическом значении науки международного права, он полагал, что именно эта наука, имеющая основанием международную жизнь, станет выражением правового общения цивилизованных народов.

Однако не все юристы соглашались с такой точкой зрения. Многие из них, особенно практики, не считали, что международное право должно называться отраслью правоведения, что объяснялось прежде всего содержанием учебного процесса в западноевропейских, особенно германских, университетах. Основу юридического образования составляло римское право, доминирование которого, по мнению Ф.Ф. Мартенса, не только препятствовало развитию других отраслей права, но и создавало ложное понимание функций юридической науки. Цивилисты были убеждены в том, что претендовать на статус науки права может только та система законов, которая получила непо-

средственное применение в жизни, служила инструментом в борьбе за повседневные интересы личности, охранялась принудительной силой государства. Таким образом, на роль правовой науки претендовала только наука, основанная на римском праве, и в такой системе координат нормы международного права, построенные на неизвестных римским юристам принципах, косвенно отражающие интересы частного лица и постоянно нарушаемые на практике, не заслуживали названия отрасли правоведения.

Глубоко изучив историографию, источниковедение истории международного права, Ф.Ф. Мартенс подчеркнул: «Вместе с тем римское право постепенно сходит с того пьедестала, на который оно было поставлено в Германии силой обстоятельств прошлого времени. Было бы напрасным трудом пытаться определить международные отношения современных народов на основании принципов этого права. Римляне остаются неподражаемыми мастерами в формулировании положений гражданского права и в юридическом анализе. В этом отношении римское право дает науке международного права тот практический метод, те орудия анализа, посредством которых могут быть выяснены юридические нормы или законы. Но в нем нельзя искать юридического определения отношений, существующих между современными народами...» [7, с. 2–3].

Реалистическая школа права также отрицала самостоятельное значение международного права. Ф.Ф. Мартенс, подчеркивая заслуги этой школы перед юридической наукой в целом, усомнился в достоверности метода, которым руководствовались ее представители. Содержание его таково: природа и история сделали для общества выбор, определили весь последующий ход нашей жизни и конечные результаты деятельности; только на основании изучения исторических фактов и обстоятельств могут быть выяснены те законы прогрессивного развития, под влиянием которых находилось общество. Таким образом, реалистическая школа права отрицала инициативу, произвол, случайность, свободу воли. Применяя этот метод в научных исследованиях, она пришла к выводу, что господство физической силы было единственным законом международного общения.

Обязательно ли должны присутствовать грубая сила и произвол в области международных отношений? На этот вопрос Ф.Ф. Мартенс дал отрицательный ответ: «Если мы оставим теоретические соображения и обратимся к практике международных отношений в том виде, в каком они существуют в настоящее время, то и здесь встретим множество фактов, отвергающих писателей-юристов, которые полагают, что международного права нет и что в сфере международных отношений царят исключительно произвол и насилие. Мы увидим, что между современными образованными народами установился правильный и непрерывный обмен их промышленной, экономической и хозяйственной деятельности. Торговые отношения, связывающие современные государства, приняли в настоящее время такие размеры, о которых прежде не существовало никакого понятия. Вместе с тем они сделались предметом определения огромного количества международных конвенций, договоров

торговлі и мореплавания, предусматривающих условия, при которых эти сношения должны продолжаться, и содержащих в себе правила, на основании которых они должны происходить. Но не одни экономические интересы сближают современные народы и устанавливают между ними правовые отношения. Существует очень много и других потребностей и интересов, которые преследуются со стороны подданных различных государств не в пределах своего отечества, но в области международных отношений» [7, с. 5].

Ф.Ф. Мартенс неоднократно подчеркивал мысль о том, что существование международного права в качестве самостоятельной отрасли не противоречит общей теории права. Основанием для такой постановки вопроса стало господство в широких кругах юридической общественности мнения, будто сущность и признаки права всегда определены обязательным присутствием принудительной силы, законодательной власти и суда, общих для всего союза государств. Сила была представлена не только в качестве средства реализации права, но и органического элемента самого понятия о праве. Следовательно, международное право не существует, поскольку к международным отношениям не могут быть применимы три важнейшие характеристики, принадлежащие праву вообще. Ф.Ф. Мартенс категорически не соглашался с таким толкованием права: «Учение, согласно которому физическая сила и принуждение составляют существенную принадлежность права, смешивает две различные вещи: само право и принудительный порядок его осуществления. Последний имеет применение обыкновенно в том случае, когда право и закон нарушаются. Поэтому сила есть более элемент неправды, чем права, которое в нормальном его существовании никогда не вызывает насильственного осуществления. Право перестает существовать с того момента, когда оно перестало быть побудительной причиной и мотивом людских действий, когда оно более не сознается» [7, с. 9].

Противники международного права заявляли, что не может быть и речи о международном праве как системе регулирующих международные отношения законов, поскольку международная жизнь не знает законодательной власти. По мнению Ф.Ф. Мартенса, отсутствие законодательной власти в области международного общения еще не означало отсутствия обязательных юридических норм. Международная жизнь представляла собой совокупность политических союзов государств, каждый из которых рассматривался как соединение народов, заключенное ради общей пользы путем взаимного уважения интересов всех договаривающихся сторон. Таким образом, всякое общение людей, признающее определенный порядок, является правовым общением. Иной вопрос, что «современные народы не дошли еще до такой степени развития, чтобы учредить над собой определенный орган законодательства, постановления которого имели бы обязательную силу для всех народов» [7, с. 11].

Ф.Ф. Мартенс подчеркивал особый характер международно-правовых норм в системе социальных норм, поскольку международное право, будучи совокупностью юридических норм, имело своим предметом право, а не эти-

ческие принципы и религиозные законы, которыми руководствовались народы и государства в процессе международного общения. Данный тезис имел большое значение для определения предмета науки международного права. Известно, что в XIX в. этические принципы и религиозные законы еще оказывали воздействие на международную жизнь, что дало повод некоторым ученым по-прежнему называть их основополагающими признаками межгосударственных правовых норм. Основание международного права составляли фактические, реальные жизненные отношения, в которых находились государства и народы между собой. Ф.Ф. Мартенс отмечает: «Задача науки международного права – постоянно следить за изменением этих отношений. Она только тогда будет стоять на высоте своего призвания, когда начала, ею провозглашаемые, не будут насилем над законными потребностями народов, когда развитие их не будет отставать от прогресса международной жизни, словом, когда эта жизнь и международное право будут в полнейшем согласии друг с другом. Далее, если жизнь всегда остается критерием действующих международных правил и законов, если положения, выставляемые в науке международного права, должны постоянно освещать и нормировать фактический порядок вещей, господствующий в области международных отношений, то этот порядок и будет давать содержание международному праву. Наконец, отсюда следует также, что система науки международного права определяется не только теми правилами и законами, которые выработались и приняты государствами или юристами, но также жизненными отношениями, которые фактически установились между народами» [7, с. 17–18].

Вплоть до середины XIX в. государства выступали не только первичными, но и единственными субъектами международно-правовых отношений. Будучи сторонником доктрины правового государства, Ф.Ф. Мартенс был убежден в том, что государственная власть обязана предоставить своим подданным все средства для максимально полного удовлетворения своих потребностей. Если же она не способна этого сделать, то вынуждена обратиться за помощью к другим государствам. Ф.Ф. Мартенс указывал: «Но в настоящее время нет ни одного образованного народа, который находил бы все средства для своего существования и развития исключительно в своем государстве. Вот почему все современные народы, понимающие свои жизненные задачи, поддерживают отношения между собой и входят в соглашения, чтобы установить взаимно такие условия, при которых они действительно могли бы находить удовлетворение всем своим потребностям» [7, с. 20]. Принципиально новым в XIX в. был вывод о том, что международная деятельность государства предопределялась его внутренней жизнью [7, с. 19]. По нашему мнению, популярность Ф.Ф. Мартенса объяснялась тем, что он сумел глубже и убедительнее других раскрыть сложную диалектику двух тесно связанных и противоречивых условий существования международного права.

Ф.Ф. Мартенс не соглашался с теми учеными, которые утверждали, что международное право возникло одновременно с международными отношениями. Они были убеждены в том, что народы, установившие фактические

отношения между собой, автоматически осознавали необходимость регулирования этих отношений определенными нормами, называемыми международным правом. В научный оборот были введены многочисленные факты, свидетельствующие о соблюдении народами Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима некоторых формальностей в мирных или военных условиях. Однако описание тех или иных формальностей и процедур не укладывалось в понимание Ф.Ф. Мартенсом состояния жизни древних народов, их взаимоотношений между собой и юридической природы международного права: «Народ первобытный, не знающий еще ни собственных сил, ни намерений других народов, должен остерегаться всяких внешних отношений. Такой народ всегда поставит первоначальной задачей своего существования не международные отношения, а такое устройство внутренней своей жизни, общественной и государственной, которое отвечало бы собственным его понятиям и стремлениям, было бы самобытно, с исключением всякого вмешательства чуждых элементов <...> Замкнутость и неприязненные отношения народов, а не мир и не международные отношения характеризуют древнюю жизнь. Эти отличительные ее черты являются естественным последствием исключительности и нетерпимости, общих для всех древних народов» [7, с. 32]. Таким образом, основой жизни древних обществ, управляемых государственной организацией, было враждебное отношение к окружающему миру, стремление во что бы то ни стало выжить, защитив свою исключительность и самобытность. Иного пути не было.

Одновременно имела место и вторая тенденция, противоречившая первой. Состояние замкнутости и неприязненного отношения фактически нарушалось. Так, например, история государств древнего мира изобилует не только фактами о бесконечных изнурительных войнах, уничтоживших целые цивилизации, но и фактами о торговых связях, территориальной колонизации, трудовой и политической эмиграции. Указанные процессы, безусловно, способствовали установлению мирных отношений, возникновению определенных обычаев, отказу от нетерпимости к иностранцам, признанию их прав на жизнь и собственность. Однако можно ли говорить о международном праве древних народов? По мнению Ф.Ф. Мартенса, нельзя, поскольку «...древние государства вообще смотрели на чужеземца как на врага и отказывали ему в защите и покровительстве закона <...> Несомненные исторические свидетельства убеждают нас, что в древнем мире действительно существуют международные отношения, даже обычаи, которыми они охранялись. Но мы не имеем ни одного факта, который доказывал бы, что древние народы сознавали необходимость правильных сношений и обеспечивающего их права. Право же всегда основывается на сознании его необходимости» [7, с. 34]. Таким образом, международное право имело двуединую и внутренне противоречивую основу, а именно прогрессирующую потребностью обособленно существующих государств во взаимоотношениях и государственное разделение общества, которое стремилось к самоутверждению и самосохранению в окружающем его мире.

Все ученые поддерживали мнение о том, что историю международных отношений и права необходимо делить на периоды, представляющие собой ступени прогрессивного развития международной жизни и определяющие ее правовые нормы. Правда, не было единства в этом вопросе. На основании наиболее значительных исторических фактов, принимаемых за рубежи, отделялась одна историческая эпоха от другой, история международных отношений делилась то на три периода, то на четыре, то на семь. Ф.Ф. Мартенс считал, что указанные критерии периодизации не выдерживают научной критики, поскольку история международных отношений содержит множество фактов и событий, однако они не могут аргументировано установить периодизацию: «В основание правильного деления истории международных отношений должны быть положены ни отдельные факты, как бы значительны они не были, ни крупные события, как бы влиятельны не были их последствия, ни важные международные акты, как бы многозначуще не было их содержание. В истории международных отношений рубежи различных эпох или периодов отмечаются сменой одних руководящих идей другими» [7, с. 25]. Таким образом, впервые в отечественной историографии истории международного права был поставлен вопрос о поиске и осмыслении «руководящих идей», характерных тому или иному периоду международных отношений, свидетельствовавших об осознании необходимости их правового регулирования.

С точки зрения идей, характеризующих собой различные эпохи развития международных отношений, Ф.Ф. Мартенс разделил историю международного права на три периода. Первый период охватывал Древний мир, Средние века и Новое время до Вестфальского международного конгресса 1648 г. В течение этого длительного времени содержание межгосударственных отношений было определено господством физической силы, диктатом сильного над слабым, полнейшей разобщенностью государств. Все без исключения субъекты международных отношений были убеждены в том, что представляют собой совершенно замкнутое, исключительное и самобытное образование, не нуждающееся в международных сношениях, поскольку обладали в пределах своих территорий всеми необходимыми средствами для удовлетворения интересов и потребностей. Поэтому всякий другой народ, в том числе и ближайший сосед, воспринимался в качестве естественного врага, заслуживающего участи быть поработленным или уничтоженным. Второй период составили события международной жизни с 1648 г. до Венского конгресса 1815 г. На этом этапе идея государственной изоляции и господства физической силы в международных отношениях уступила место новой идее – принципу политического равновесия государств. Ф.Ф. Мартенс отметил: «В основание нового порядка международных отношений было положено начало, в силу которого самостоятельность и независимость каждого отдельного народа не должна была подвергаться ни малейшей опасности со стороны других народов» [7, с. 27–28]. Третий период начался в 1815 г. Начиная с Венского конгресса, руководящей идеей был признан принцип национальности, означавший, что лица, имеющие родственное историческое прошлое,

общую религию и быт, единый национальный характер и говорящие на одном языке, должны составить один народ и проживать на территории одного государства.

В то же время Ф.Ф. Мартенс не ставил перед собой задачи дать точный ответ на вопрос о руководящей идее, которая в будущем станет основным принципом международной жизни. Он был убежден, что «...для всякого юриста и государственного деятеля, которые уяснят себе разумное назначение международных отношений и поймут правильным образом задачи и цели государств, господствующим принципом будущего может быть только идея права в самом обширном смысле этого слова. Ни идея разобщенности, ни идея преклонения пред физической силой, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни» [7, с. 29].

Некоторые авторы считают, что главные заслуги Ф.Ф. Мартенса связаны не столько с проблемами теории, истории международного права, сколько с практической разработкой отдельных вопросов, в частности вопросов права войны и международного третейского суда. Правомерно ли вообще подобное противопоставление? Конечно, нет. Он, награжденный 16 российскими и иностранными орденами за плодотворную государственную и научно-педагогическую деятельность, признан европейским и российским юридическим сообществом одним из самых крупных авторитетов в области международного права. Его труды, издававшиеся в России и в европейских странах, входили в обязательные списки и обзоры юридической литературы. Еще при его жизни многие авторы посвящали ему свои научные сочинения. Ф.Ф. Мартенс отстоял свои взгляды в острой полемике с представителями различных научных школ, которые задавали тон в европейской юриспруденции того времени. В последующих научных исследованиях необходимо осветить такие проблемы, как разработка Ф.Ф. Мартенсом основ историографии и методики источниковедения истории международного права.

Литература:

1. Грабарь В.Э. Первоначальное значение римского термина *jus gentium* / В.Э. Грабарь // Антологія української юридичної думки : в 10 т. / редкол. : Ю.С. Шемшученко (голова) та ін. – К. : Вид. дім «Юридична книга», 2004– . – Т. 8. – 2004. – 568 с.
2. Гефтер А.-В. Европейское международное право / А.-В. Гефтер ; пер. К. Таубе ; предисл. Ф.Ф. Мартенса. – СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1880. – 619 с.
3. Левин Д.Б. История международного права / Д.Б. Левин. – М. : Изд-во ИМО, 1962. – 136 с.
4. Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в.: общие вопросы теории международного права / Д.Б. Левин. – М. : Международные отношения, 1982. – 197 с.

5. Баскин Ю.А. История международного права / Ю.А. Баскин, Д.И. Фельдман. – М. : Международные отношения, 1990. – 205 с.
6. Международное право : [учебник] / под общ. ред. А.Я. Капустина. – М. : Гардарики, 2008. – 617 с.
7. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / Ф.Ф. Мартенс. – изд. 3, доп. и испр. – СПб. : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1895– . – Т. 1. –1895. – 430 с.